

...И на этот раз, как обычно, говорил он спокойно, неторопливо. Казалось, прежде чем произнести слово, он его мысленно взвешивал, рассматривал. Его тонкие, красивые брови взлетали на высокий, не по летам чистый лоб, и карие глаза чуть щурились. Казалось, он едва заметно улыбался предъюбилейной суете.

Удивительное чувство испытывал при общении с ним. Его спокойная доброжелательность, артезианская глубина и основательность поднимали собеседника на высоту, на которой начинаешь чувствовать безмерную ширь жизни, всю ее значительность. Все мелкое, несущественное, что обычно занимает тебя, отступало куда-то далеко, принимая свои нормальные размеры.

Как-то Серке Кожамкулов, народный артист республики, более полувека близко знавший Габита Махмудовича, сказал: «Когда соприкасаешься с ним, будто пьешь прозрачную ключевую воду».

Да, всегда подтянутый, элегантный, он производил необыкновенное эстетическое впечатление (я не подберу более точных слов).

Только однажды, кажется, он был иным. С тех пор прошло почти сорок лет. Ко мне с железнодорожного полустанка позвонил его давний товарищ и настоятельно просил пригласить к нему Габита Махмудовича, чтобы, как он говорил, «подышать свежим воздухом».

...Мы выехали в субботу в полдень. Я, аспирант филологии, сидел, стиснутый между двумя маститыми писателями-соперниками — Габитом Мусреповым и Габиденом Мустафиним. Сколько приходилось с тех пор читать книг писателей Запада и Востока, но в те два дня я, кажется, впервые почувствовал красоту живого образного слова. Лилась сочная, выразительная, может быть, чуть-чуть по-восточному, витиеватая речь, полная своеобразного аромата.

Сумерки застigli нас далеко в степи, по-осеннему блеклой, настоящей на терпком запахе сухих трав. Оставалось ехать еще с час. И вдруг Габит-ага попросил шофера свернуть в сторону, всем своим видом давая понять, что ночевать будет здесь, в степи. Откровенно го-

воря, оставаться под пронизывающим ветром в осенней степи мне не очень хотелось. Зная к тому же о хлебосольтстве старого Рахима, я пытался доказать, что надо ехать дальше. Но Габит-ага молча лег на землю, обхватил руками густые кусты ковыля и после долгого молчания сказал:

— Нет лучшего лекарства для души, чем запах ковыля. — И прошептал: — Ах, степь, степь! — Мне показалось, что голос его задрожал...

На нас, молодых тогда литераторов, производила неизгладимое впечатление крепкая, долголетняя дружба двух Габен.

Уже к тому времени им пришлось испытать немало крутых перевалов и терний, но они сумели сохранить душевную и физическую привлекательность. Они всегда были в центре нашего внимания.

Однажды мне удалось поговорить с Габиден-ага о том, что давно носил в себе:

— Габе, скажите, — попросил я, — когда мы были молодые, казалось, что у нас много ярких, крупных, недюжинных личностей. Мухтар-ага, Сабит-ага, еще раньше Сакен Сейфуллин, Ильяс Джансугуров, Беимбет Майлин, Габит-ага и вы сейчас... За вами мы чувствовали себя как за каменной стеной, прочно и незыблемо. Сейчас то ли люди измельчали, то ли время такое — руки ищущего проваливаются в пустоту...

После некоторого размышления Габиден-ага в присущей ему спокойной манере сказал слова, которые запали в душу.

— Да, к сожалению, это так. Человека рождает Время. Недаром в народе говорят: «Каково время — таков и человек!». Да, сейчас действительно время не для крупных, масштабных натур. Мухтар и Сабит, Сакен и Ильяс, Беимбет были незаурядными личностями, такими и остались в памяти народной. Теперь дело другое... Мы уже стоим на самом перевале, кони наши оседланы и подруги подтянуты, готовы направиться в нишину... А вы привыкли приспосабливаться, откуда же быть величию!..

Габит Мусрепов явился одним из немногих, кто наперебор леденящему дыханию времени сумел отстоять честь

и достоинство писателя и гражданина.

В 1932 году, в год Большого бедствия для народа, он в числе Пяти обратился в высшую инстанцию с открытым письмом, где в горьких словах изложил всю глубину траге-

дствия славу отечественной культуры, была ошеломлена, как произведение, восхваляющее феодальное прошлое, как антинародное, вредное. Габит Мусрепов смело встал на защиту своего великого современника. Как в

«Пробужденный край», «Ее имя Улпан», «Солдат из Казахстана», его малые шедевры — рассказы и новеллы, вошедшие в нашу духовность.

Все сказанное выше я хочу подтвердить одной, еще неиз-

ленный час меня ждало небольшое письмо, написанное его рукой. Письмо для меня было откровением.

«Дорогой Хасен, — писал Габит-ага, — я полностью прочитал рукопись твоего труда. Хотя карандаш держал в ру-

Жумана, как нищий, бродит вокруг стойла коней Иглика («Проб. край»); 2) Помнишь: Байжан шутило обращается к мальчику, сидящему между Игликом и Куренкоз-ходжа: «Садись поближе к отцу!», 3) Однажды Байжан приезжает в Омск...

И последнее: убери слова «великий», «классик» — они слишком высоки.

Г. МУСРЕПОВ.

13/X — 1966 год».

Эти строки раскрыли мне глаза на мир Мастера и Человека!..

А вот строки еще из одного письма: «Слишком восторженно, умерь, пожалуйста, пыл». В другом письме (от 28 декабря 1969 года): «Быть добрым гражданином или быть хорошим писателем — в руках самого человека. Никто от рождения не становится поэтом или дураком. Недаром Сенека писал: «Ничто человеческое мне не чуждо». Что-то надо пестовать, развиваться, с чем-то надо бороться. По мере возмужания многое под силу человеку. Чем быть плохим писателем или одним из многих посредственных деятелей, сделать иной выбор — в твоих руках!».

Последние пять-шесть лет так перевернули наше представление о многих вещах, что порою мы не узнаем даже самих себя, и многое из того, что было с нами, воспринимаем в двух измерениях. Еще не припав к новому берегу, мы оплевываем вчерашние святыни, сжигаем мосты. Мы не знаем середины. Это у нас в крови. Нам всегда не хватало исторической мудрости.

С высоты сегодняшнего дня отчетливо видим весь трагизм и боль старшего поколения, прожившего сложную и трудную жизнь. Его вершины и перепады были неразрывно связаны с ныне уходящей исторической эпохой, с ее моралью, философией и общественным устройством. Это поколение, стоявшее у истоков новой культуры, рожденной этой эпохой, фактически и завершило ее...

Я представляю, какую пронизывающую боль, какое трудно переносимое чувство испытывали бы они нынче.

Прекрасные идеалы братства и счастья народов вдохновляли и возвышали классиков

этой культуры; чувство полета и непреходящей ценности создаваемого ими освещало их жизнь и творчество. Они были убеждены, что служат высшим целям гуманизма и человеколюбия.

Да, когда нарушались незыблемые законы творчества в угоду идеологии, гении оказывались несостоятельными. Лишь следование жестким принципам подлинного искусства давало возможность выжить. Так было всегда. То же самое случилось и на одной шестой части суши — у нас.

Габит Махмудович был крупным талантом и, как действительно крупный талант и личность, не укладывается в узкие рамки заданности. Он во многом перешагнул эстетические каноны эпохи и в своих лучших произведениях, которые принадлежат и будущему, воссоздал с огромной силой Правду ЖИЗНИ, ее противоречивую, неординарную сущность. Там, где полет фантазии, проникновение в существо реальности, в ее подлинную фактуру, где художник остается самим собой, создает многокрасочную картину родной Степи и воскрешает ее живых людей, — там книги Мастера живут, волнуют, дышат. Он с нами.

Там же, где он запрограммирован в тисках канонов, которые мучительно испытывал каждый выдающийся талант, его жиру — пластичная, звучащая, полифоническая становится вялой, невыразительной, до боли деревянной, блеклой, бездуховной.

В творчестве Габита Махмудовича скрестились радости и боли литературы советской эпохи, ее глубокая трагичность и полет ввысь, эпохи тревог, надежд и крови, эпохи, вписанной в историю человечества, в его извилистое движение.

Творчество Г. Мусрепова не только образное свидетельство целой эпохи с ее исканиями, потерями, трагедией, но еще незаменимый человеческий документ — документ мысли, разума, исканий и потерь. Это еще взгляд Мастера на мир, на историю родного народа, на нас с вами.

Хасен АДИБАЕВ.
НА СНИМКЕ: Габит МУСРЕПОВ, 1952 год.

Фото Р. Дюсєнгалиева.

90 лет со дня рождения Габита МУСРЕПОВА

Казахстанская правда - Астана - 1992 - 20 марта

«СОПРИКАСАЯСЬ С НИМ, БУДТО ПИЛ ПРОЗРАЧНУЮ КЛЮЧЕВУЮ ВОДУ...»

дии, постигшей республику; чуть позднее, когда обвинили Беимбета Майлина во всех смертных грехах, Габит Махмудович был практически единственным человеком, кто открыто встал на его защиту. Крылатые слова Габит-ага, сказанные им тогда, живут в памяти людей: «Если Би-ага (Беимбет Майлин) враг народа, то и я враг народа!».

В пятидесятые годы началась травля другого выдающегося художника — Мухтара Ауэзова. Его знаменитая эпопея «Путь Абая», составившая впо-

публичных выступлениях, так и в печати открыто отстаивал М. О. Ауэзова и его роман-эпопею.

Габит Мусрепов при всех перепадах нашей истории оставался на гребне высокой гражданственности и порядочности. И мы, казахстанцы, его младшие современники и соотечественники, можем гордиться им, крупной и яркой личностью, выдающимся художником. Его изумительные драмы, о которых Ильяс Сельвинский писал как о «драмах шекспировских страстей», его

вестной, детально — человеческим документом, который характеризует как бы изнутри духовную сущность выдающегося мастера.

К концу шестидесятых годов, закончив монографию «Мера таланта» (она была издана в 1971 году), я настойчиво добивался, чтобы Габит-ага прочитал рукопись и высказал свои замечания. Габит Махмудович не хотел читать книгу о себе, я настаивал. Наконец с большой неохотой он согласился: «Принеси».

Через две недели в услов-

ке, не считал возможным что-то исправлять. Взыскательное исследование не терпит постороннего вмешательства. Надеюсь, что твой труд именно таков. Благодарен.

Хотел бы обратить твое внимание на два момента:

1. Несколько моих ранних вещей остались незавершенными. Желательно сделать об этом оговорку.

2. Деталь в художественном произведении играет особую роль. Быть может, тебе стоило обратить внимание на детали. Например, а) Вороной конь